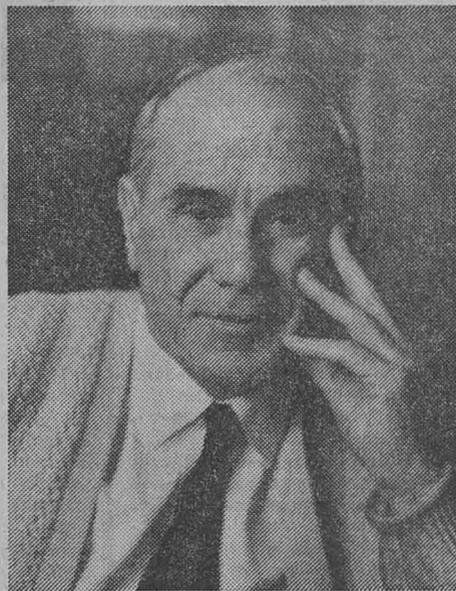

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ ЧУДО ОТКРЫТИЯ

НЕДАВНО известный кинорежиссер Сергей Герасимов в порыве откровенности сказал: «В театр я хожу за чудом»... Почему же, начиная рассказ о Борисе Андреевиче Бабочкине, я вдруг вспомнил эту фразу? Наверное, не только потому, что она так или иначе была высказана под влиянием этого магического имени в нашем искусстве. Но и потому, что ее смысл с полным правом, мне думается, можно отнести и к самому Бабочкину, актеру и режиссеру, блистательному и тонкому художнику, ищущему во всем и везде, в искусстве, в окружающей жизни необычное. Такое — поражающее тебя в самое сердце, что заставляет вновь и вновь листать знакомые книги, пьесы, перечитывать их уже как бы и его глазами и удивляться прозорливости исследовательской и художнической мысли мастера, и восхищаться неожиданными и всегда конкретными открытиями там, где, кажется, уже все открыто его предшественниками.

Пожалуй, многие мои самые стойкие и яркие театральные впечатления последних лет связаны с именем Бабочкина, с его постановками в Малом театре горьковских пьес «Достигаев и другие», «Фальшивая монета», с чеховским «Ивановым», «Правда — хорошо, а счастье лучше» А. Островского. С его блистательной мастерской игрой в образе отставного «ундера» Силы Ерофеевича Грознова в этой комедии, которая невольно заставляет

вспомнить работы великих его предтеч, актеров — корифеев русского театра. Да разве только театральные впечатления? Совсем недавно он покори нас своим удивительным героем, старым сельским плотником Олешей Смолиным из телефильма «Плотничьи рассказы» по В. Белову. Покорил необыкновенной задушевностью этого образа, погрузив в сказочное узорочье и красоту звучащей народной речи, заставив увидеть за внешне неприметным и плавным течением рассказов вроде бы о личной и конкретной жизни необъятные глубины, музыку и неистребимую силу, и великую цельность, пластичность, гармонию и родниковую чистоту человеческой души, открывшей высший смысл своего бытия в поэзии труда. И может быть, прежде всего потому, что сам он как художник сполна познал на себе удивительную эту связь между вдохновенным трудом и талантливостью.

Судьба Бориса Андреевича Бабочкина иногда мне кажется удивительно счастливой, но как бы наполненной контрастами, освещаемой разными живописными бликами, игрой светотеней, движением, многими порывами. Но это — только с поверхности, а

при приближении, в личном общении с ним как с художником, с незаурядной человеческой личностью убеждаешься в огромной глубине, страстности, сложности и цельности его необычайно щедрой и богатой натуры. Убеждаешься в силе и стойкости его художнических привязанностей, в удивительной взыскательности, творческой недовлетворенности — иногда непримиримой — к другим и себе, в первую очередь. И понимаешь, что все контрасты — это сверхающие многообразные грани единого таланта, порожденного огромной любовью к своему труду, высокой сопричастностью к жизни, к поиску чуда в ее обычном — и таком необычном! — течении. Не в этом ли истоки его открытий в искусстве?..

Конечно, в первую очередь, и сегодня мы связываем имя арти-

ста с одним из высочайших достижений в нашем кино — с поистине легендарным образом Чапаева в одноименном фильме братьев Васильевых. Всенародное признание работы Бабочкина поистине поразительно и единодушно. Казалось бы, с какой легкостью вошел с ней артист в большое искусство, в жизни не одного поколения миллионов и миллионов зрителей. Но, может быть, не всем известно другое — предыстория этого успеха. За плечами артиста была уже большая и суровая жизнь — сын железнодорожного служащего из Саратова, он прошел школу комсомола и гражданской войны, учился в актерских студиях М. Чехова и И. Певцова, сыграл на сценах Москвы, а потом в разных театрах страны почти двести ролей. Наконец, он стал одним из ведущих актеров Ленинграда — играл на сцене старшего академического театра роли Чацкого в «Горе от ума», Хлестакова в «Ревизоре», Самозванца в «Борисе Годунове», Белоголова в «Доходном месте», несколько лет снимался в кино. И только после этого его пригласили сниматься в фильме «Чапаев» на роль... ординарца начдива Петьки. Однако после чтения сценария образ Чапаева так запал в душу артиста, он так страстно говорил о нем с режиссерами, так активно предлагал им имена разных исполнителей, что они решили: вот кто может сыграть эту роль! Это было «счастливым попаданием»!

И сегодня перечитывая роман Д. Фурманова, невольно как бы слышишь неповторимые интонации голоса Бабочкина, видишь многое в Чапаеве таким, каким показал его нам экран.

— В эти дни я вновь возвратился к теме Чапаева, к знаменитой книге Фурманова, — гово-

рит Борис Андреевич. — Скоро я буду читать на радио ее главы. Это — потрясающий документ эпохи, страстный, живой. Мне кажется, она и сегодня не может не поражать своей глубочайшей правдой, силой, взволнованностью и драматизмом...

Да, несмотря на широчайший круг интересов Бабочкина, его художнические привязанности постоянны и крепки. Пожалуй, нельзя не назвать еще одну страсть — неувядающую любовь и его тонкое, во многом новаторское понимание горьковской драматургии. И здесь он и как режиссер, и как актер, одержим жаждой открытий, чудом постижения неизведанных глубин.

— Горький — и это доказывает практика нашего театра — писатель совершенно современный, революционный, — и я вижу, как загораются глаза артиста. — Конечно, он — классик. Но классика и жива-то своей высокой сопричастностью к современной жизни. И в этом смысле горьковские пьесы поистине неисчерпаемы. Театрам предстоит открывать чудо Горького еще и еще — бесконечно! Возьмите его «Фальшивую монету». Это любимейшая пьеса Горького — неожиданна, загадочна, полна таинственных глубин для художника, гениально предвосхищает новейшие открытия сегодняшней мировой драматургии и театра. Но написана она с позиций великого реалиста, революционного художника, разоблачающего фальшивые буржуазные ценности и пустоту поклоняющихся им человеческих душ, трагифарс их существования. Или «Достигаев». С какой гениальной глубиной отразилась в нем революция! Да, здесь нет взятия

Зимнего, широких эпических картин, но взята действительность, ее капля, и с беспощадной аналитичностью раскрыта вся суть происходящего, весь грандиозный размах революционных событий, их дух!.. Прекрасная пьеса о революции!..

Справедливость этих слов мастера я не раз ощущал на себе, когда вновь и вновь приходил в Малый театр на эти спектакли, когда вслушивался в реакцию напряженного, захваченного действием зрительного зала. Наконец, когда видел театральных билетерш не в пустующих коридорах театра, а всякий раз тихо стоящими в зале у дверей (всякий театральный человек знает, что это — подтверждение того, что на сцене происходит открытие чуда искусства!)

18 января в день своего 70-летия Борис Андреевич вновь выйдет на сцену Малого театра в спектакле «Правда — хорошо, а счастье лучше» (поставленном им так неожиданно, молодо и даже озорно!) в роли Силы Грознова, чтобы и в этот вечер подарить людям высокую радость встречи с подлинным искусством...

...Написал я эти строки и подумал, как много осталось «за кадром», как много не сказал я, как бессильно иногда наше перо, как «сжимают» газетные рамки, как нельзя уложить в них огромную человеческую жизнь художника, прекрасного, поистине народного артиста. Движение, поиск, открытие — в этом смысл творчества художника, зовущего к открытиям своих зрителей. А это значит, что впереди нас ждет еще немало встреч, немало открытий. И позволительно поэтому здесь будет поставить многоточие...

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.